

Добродетель

Журнал о делах милосердия

2013 № 3 (26)

тема номера:

ПРОСТЫЕ ЛЮДИ

70-летие

Прохоровского сражения

и освобождения Белгорода

Светлана БОГУЧАРСКАЯ.
г. Белгород.

*На канву ложатся годы, долог доброй жизни век.
«Как остаться человеком?», – спросит юный человек.
Старый человек ответит: «Завтра так, как и вчера.
Не прожить на этом свете без молитвы и добра.
Будут трудности и беды, испытанья впереди
Ты сердечную беседу тихо с Господом веди.
Всё получится случайно, незаметно боль пройдёт,
Будет мир в душе, а горе стороною обойдёт.
И пройдёшь свой путь ты длинный без извилистых дорог
Вырастает исполином человек, с которым Бог!»*

ЧУТЬ МЕНЬШЕ ВЕКА

САМЫЙ СТАРШИЙ

В городе Бирюч, что примерно за 160 километров от Белгорода, живёт простой человек, мой дедушка Богучарский Алексей Фёдорович. Каждое утро он выходит посидеть на скамеечке возле дома, редким прохожим жалуется: «Дожил до такого возраста, что и поговорить-то не с кем. Все младше меня, товарищей давно нет, не с кем и время своё вспомнить!». Выходит иногда с шахматами, да только противников нет, раньше ходил играть в совет ветеранов, а сейчас уже и друзей прежних не осталось.

Алексею Фёдоровичу чуть меньше века: идет 94-й год. Соседи безучастно кивают и спешат по своим делам, а вспоминать действительно есть что! И не только вспоминать, но и поучиться жить, как по книге, у доброго и сильного человека, сумевшего, разменяв десятый десяток, сохранить бодрость духа, исключительную порядочность, живость и гибкость ума, настоящую русскую смекалку и неистребимый оптимизм. Порой мы впадаем в уныние при виде, казалось бы, неразрешимых проблем, опускаются руки, приходят апатия и депрессия, но мы забываем, что каждые моменты жизни удивительны и уникальны! Господь хранит каждого, кто к Нему обращается, хранит в самых безвыходных ситуациях, даёт силы выстоять и выдержать любые удары.

За свою жизнь Алексей Фёдорович видел многое: прошёл холод и голод, воевал на Великой Отечественной войне, был дважды ранен, работал на каторге в концентрационном лагере в Германии, сумел бежать, выкручивался из самых немислимых ситуаций! Трудился 33 года на Красногвардейском консервном заводе, заготавливавшем первоклассную

продукцию и гремевшем на весь Союз, имел большую пасеку и огород. В 2004 похоронил двух дочерей, в 2010 и супругу, с которой прожили 64 года, но, несмотря на долгую и сложную судьбу, Алексей Фёдорович до сих пор является живейшим примером непобедимого русского характера и милости Божьей, что даёт силы жить и на столетнем рубеже.

Мы разучились доверять Богу, поэтому и не можем часто перешагнуть даже 50-тилетний возрастной рубеж в здравии и с запасом сил, а ведь запас «прочности» человека определяется не нами! Всё в руках Господа. Часто мы переоцениваем свои силы, пытаемся справиться с проблемами, не утруждая себя молитвами, но почему-то запутываемся в элементарных вещах: просыпаемся с проблемами, ложимся с проблемами и, в результате, ежедневно сдаём экзамен жизни на «два». А есть и отличники. За всю свою почти столетнюю жизнь дедушка неоднократно имел стопроцентные шансы погибнуть, но остался жив. Я всегда заряжаюсь спокойствием и хорошим настроением от дедушки, таких «динозавров эпохи» редко сейчас встретишь в моём окружении, их нужно искать, чтобы прикоснуться к народной мудрости. После дедушкиных рассказов я с каждым разом всё отчётливее понимаю, что нужно смелее вверять себя в руки Бога, потому как с Ним пройдёшь и войны, и болезни, и лишения – и ничего с тобой не случится, а без Него споткнёшься на первом же пороге.

– Дедушка, как ты прошел 40-е?

– Бог хранил, иначе б не прошёл. И не только в войну много ситуаций случалось, когда я думал, что «всё». Слишком часто близко смерть была, и то, что я жив, невозможно назвать случайностью.

ИСТОКИ

14 марта 1920 года в селе Засосна Будённовского района (ныне Белгородская область, Красногвардейский район) в семье Богучарских Фёдора Викторовича и Анны Степановны родился первый сын, Алёша. Времена были трудные, а ветер перемен сметал на своём пути не только глобальные социальные проблемы, но и рвал сложнейшую канву многовекового уклада, где каждая ниточка (каждое дыхание жизни человека) была упорядочена жизнью в Боге и родовыми традициями. Изначальная закваска ТОГО воспитания русских людей и предопределила характер Алексея на всю жизнь. Были у мальчика бабушки и дедушки, учившие первым молитвам.

Глубокая старушка, соседка семьи, рассказывает: «Анна Степановна, мать Алексея Фёдоровича, была светлым человеком, и кончина у неё такая же, светлая, тихая была: перестирала всё, развесила, чистенько убралась и отошла. Насмотрелись мы: на глазах наших тогда из храмов делали клубы, хоть село маленькое, но было несколько церквей. Так вот когда стояли храмы, дожди были и урожай, просили все вместе в церквях о дождике, а сейчас нет. Бывало, встанешь с раннего утра и всё успеваешь, а сейчас как будто бы в часе всего тридцать минут, люди спешат, а ничего не успевают».

«В детстве я привык к колокольному звону, красивейшие переливы лились по округе, большая церковь в честь Казанской иконы Божьей Матери стояла на соседней улице. Отца часто просили звонить в колокола: у него отлично получалось. Мне кажется, это была самая красивая церковь всего района! На Казанскую на площади перед церковью откуда-то привозили и ставили карусели для детей, получался большой праздник для нас, малышей. А потом из храма сделали школу. Когда снимали самый большой и звучный колокол, сначала снять не смогли и только оторвали язычок, потом как-то раскатали, сбросили вниз нам под ноги, и бок у него откололся. Больше я подобной церкви, нарядной и красивой, в районе не видел».

Были у Алексея Фёдоровича младшие братья, которые школьниками умерли от голода, и сестра Мария. Отец также умер рано, и на плечи подростка легла забота о матери-инвалиде и сестре. «Маму забирали по 37-й, арестовали за то, что она по доброте душевной приютила на ночлег человека, как потом оказалось, спекулянта, за «пособничество», и отправили в лагерь». Туго пришлось, но выстояли, Алексей был за старшего, занимался хозяйством; дом имелся большой, построенный ещё прадедом, в подворье рос отличный яблоневый сад на двести корней, скот держали и птицу. «В детстве я был

любопытным очень. Помню, разобрал и собрал отцовские часы, с тех пор люди несут ко мне на починку часики. И сейчас ремонтирую». Несмотря на голод, который унёс жизни двух братьев дедушки, Алексей Фёдорович с самого детства понял: с ближним нужно делиться последним, и если не твоё – не бери! Однажды мальчишкой-второклассником шёл через замёрзшую реку и увидел лунку – подо льдом человек поставил вершу для рыбы, а рыбы там, на удивление, очень много, дедушка вытащил всю рыбу, разложил по льду, а вершу установил заново. Потом мужчина-хозяин верши спрашивал по селу, кто это «состряпал» ему двойной улов? А дедушка радовался, что догадался достать рыбу и так хорошо всё получилось у того человека!

УЧЁБА И АРМИЯ

«После восьмилетки я решил поступать в Борисоглебский техникум механизации и электрификации сельского хозяйства. Заготовил дрова на зиму семье, собрал вещи и книги в деревянный сундук, что сколотил отец, и в брезентовых сапогах ушёл на станцию Бирюч ехать к месту учебы». Этот сундук и сейчас стоит у Алексея Фёдоровича, и весьма сомнительно, что среднестатистический современный подросток вообще смог бы поднять его, битком набитый книгами. «А что удивляться? – удивляется в свою очередь дедушка. – В нашем роду все сильные были, отец зубами мешок сахара поднимал, на коне стоя ездил. Предки наши из Богучара приехали – там от станицы Вёшенской, что у Шолохова, всего сто км. Люди были крепкие». Учеба давалась блестяще, но было голодно и холодно. В весеннюю распутицу в своей брезентовой обуви дедушка простудился и крепко заболел, лежал в общежитии и голодал. Неожиданно пришла преподавательница техникума и принесла немного еды, это было чудо людской доброты, которое Алексей Фёдорович запомнил на всю жизнь.

«Я получил диплом, где указано, что присвоена мне специальность техника-механика по автомобилям, тракторам, комбайнам и сельхозмашинам, вернулся в село и устроился работать в МТС. Потом пришла телеграмма из военкомата, надо было идти в армию. Попал я в Среднюю Азию в Узбекистан, в город Термез на границе с Афганистаном, на реке Амударья. Будучи специалистом по технике попал в пехоту, поэтому написал письмо наркому обороны Тимошенко, в котором просил взять меня в бронетанковые войска, туда хотел попасть. Написал через мать, она моё письмо послала. Письмо вернулось в часть командиру полка, и на нём стояла резолюция: «Просьбу удовлетворить и впредь на такие запросы обращать внимание».

Вскоре после моей заявки пришёл ответ из Тамбовского бронетанкового училища и Ленинградского училища инструментальной разведки зенитной артиллерии, что согласно моим данным они принимают меня без экзаменов, и меня с поля, где все занимались тактикой, привезли в крепость в расположение. На тактику мы выезжали в поля, стрелял я уже тогда метко, крутил фигуры на турниках и быстрее всех разбирали и собирал учебное оружие.

Капитальная крепость врезалась в память: на стенах там можно на машине ездить. Ну, так вот, отправил меня командир в крепость после ответа наркома, я приехал и лёг спать, заснул – и тревога. Думаю, что такое? Полка нет и тревога! Нас собрали (всего около двадцати человек было там) и объявили: бомбят Киев, началась война. Учёба моя на этом завершилась. Началась другая, более серьёзная».

ОТ ЗВОНКА ДО ЗВОНКА

«Войну я прошёл «от звонка до звонка». Тревогу ночью я называю первым звонком. Какая уже тут учёба в Ленинграде, если страну бомбят? Остался я пока в Термезе, мне дали взвод, я занимался с ним тактикой, и с этим же взводом на фронт под Москву. Был у меня пулемёт, а звание – младший лейтенант. От Москвы наступали мы со взводом на село Рождествено, которое я из пулемёта обстреливал, там были немцы. Тогда я почувствовал первый раз, как пахнет война: неприятно, гарью, удушливым запахом от воронки и смертью. Первый раз Бог меня спас, когда рядом с левой стороны упала мина, завращалась и зашипела, я думал, сейчас взорвется и всё, а она не взорвалась! Носом не попала в землю, я остался жив. Почувствовал, что сохранили меня, что это чудо».

Говорят, в окопах атеистов нет, перед лицом смерти даже самые убеждённые противники веры начинают чувствовать и ощущать присутствие той

силы, которая сильнее всего происходящего на Земле, и только она может спасти и избавить. Вспоминается письмо молодого мальчика, писавшего в 41-м своей маме перед боем восточку в окопе. Это письмо, как и многие другие письма и документы, хранится на интернет-ресурсе памяти ВОВ. «Я сейчас смотрю на звезды, и понимаю, что есть что-то выше и больше всего этого. Мама, я, может, завтра не встану, но я в данную секунду обращаюсь к Богу. И я знаю, понимаешь, знаю, что Он меня слышит!» Об этой трансформации сознания знают все, кто был в терминальных ситуациях, где заканчивается воля человека и остается лишь выбор. Успеть бы сделать его вовремя!

«3 декабря 1941 года я был ранен на этом фронте и попал в госпиталь, в госпитале пролежал полтора месяца, у меня ранение в бедро. Помню, в госпитале писал письмо домой, а сестрички ругались. Даже запись в журнале дежурства ставили: температура 40 градусов, пишет письмо, на замечания не реагирует», – смеётся Алексей Фёдорович. Эта добрая вера в лучшее помогала ему в самых сложных условиях.

«Из госпиталя меня отправили на фронт на передовую, и я попал на Калининский фронт, Ржев. Там за него большая драка была. Немцы очень упорались здорово, а мы наступали, там и потери большие были. Помню, как пули задевали шинели, но оставалось лишь выжженное место на сукне. Помню, как все спрятались в блиндаже от бомбежек, а я ушёл оттуда, и от блиндажа ничего не осталось. Эти чудеса происходили, как мне кажется, и потому, что мать и сестра за меня молились. Однажды на передовой вышел умыться и побриться к дереву, разложил свои принадлежности, и вдруг кончилась вода. Вот, думаю, как некстати, придется набирать, пошёл к ручью назад, вернулся, смотрю – в место, где я стоял, попал снаряд, дерево размело в клочья вместе с моими кружками и бритвами. Секунда задержки – и меня бы уже не было в живых.

Мы наступали без единого патрона, я просил хоть один у товарища, но он не дал, ему оторвало пол-лица, патроны я у него так и не взял, не смог. Была зима, холод, и вдруг тепло по ноге разливается, и так приятно, мокро в сапоге – ранение... На Калининском фронте я был ранен 25 марта, вторично, попал в госпиталь в Марийской Республике, где мне сохранили ногу. После госпиталя меня отправили в Москву, в столице я подготовил 326 девчонок для фронта, младших командиров, сержантов и старших сержантов. Это была Первая отдельная женская добровольческая стрелковая бригада. Когда девочки наши строем шли по Москве и пели «Священную войну», останавливалось движение на дорогах!

После Москвы меня в третий раз отправили на фронт, и попал я под Ковель. Это второй Белорус-

ский фронт был. Ну, там драка у нас с немцами была по-всякому, один раз я вместе с артиллеристами за пулемётом опять лежал, стрелял. И получилось так, что мы наверху, а немецкие танки внизу, и железная дорога была, по полотну которой они шли. На той стороне железной дороги было болото, они там не могут, а тут мы на бугре, наши орудия. Мы подбили семь танков, но это было просто как в кино, по нам никто не стрелял, а мы только знали, что били! В нас

никто так и не выстрелил, а меня из-под пулемёта солдаты наши вытащили, за руки схватили, подняли, чтоб я не стрелял (они сами будут): тебя, говорят, убьют, а что мы будем делать без командира? На тот момент я был в звании старшего лейтенанта, ротой командовал и уже командира батальона замещал».

Дедушка пользовался у солдат уважением, и не зря: он всегда уводил от опасности не только себя, но и вверенных ему людей. На фронте по причине сильных морозов армия несла потери, спать было невозможно. Молодой офицер подумал хорошенько и сказал: «А закопайте-ка ребята меня в снег, попробую поспать». Поспал сорок минут, потом отдал приказ по очереди закапывать в снег бойцов, так теплее. В роте Алексея Богучарского, несмотря на рискованные операции, было мало потерь, и им начал интересоваться контролирующий аппарат. В результате выяснялось, что тактика безупречна, выбор расположения удачен, а командир талантлив. Алексей Федорович деликатно обходит эти нюансы, природная скромность как украшение до сих пор с ним. Дедушку после трудных боевых операций просили предоставить список людей к наградам. Он задание выполнял. Позже его спросили, почему у твоих солдат медали, а у тебя нет? Ты что, себя не пишешь? «Никогда не писал, – говорит дедушка, – я не могу, не смею себя оценивать».

«Никто из нас тогда не знал, сколько испытаний ещё предстоит, когда закончится война, выживешь,

не выживешь. До сих пор не могу поверить, что я всё это прошёл, что живой, а впереди было самое серьёзное испытание – плен в Германии и побег из лагеря: время, когда жизнь ежесекундно висела на волоске».

ПЛЕН И ПОБЕГ

«Воевали мы уже на польской территории, границу переходили, станция Любомль польская, возле границы; так получилось, что приказ был дан отступить: немцы танки пустили, а у нас тут танков не было. Подошёл ко мне мой связной, ординарец Попов из Воронежа, предлагал спрятаться в укрытии, я говорю: «Ты что, немцы придут, гранатами забросают, там и останемся, давай пока так двигаться, куда приказано!» После этого разговора произошёл взрыв, и я упал, сколько лежал – не помню. Чувствую, кто-то сапогом толкает меня в бок, вижу – немец автомат мне в спину и командует, чтобы я выбросил оружие. У меня за поясом наган был, а в нагане ни одного патрона, я выбросил его и пошёл под охраной немца, который сдал меня другим как военнопленного. Документов со мной не оказалось никаких, привезли нас в Кёнигсберг, а оттуда поездом в Германию, сковали наручниками и поместили в вагон с колючей проволокой. Высадили в Нюрнберге, там лагерь Шталах 13D, где 30 000 наших военнопленных было, он входил в кластер Дахау. Офицеров насобирали человек сто пятьдесят, меня в том числе, и сформировали команду Пионер Парк (сапёрный парк), мы в этом Парке работу каторжную творили.

Жили пленные в бараках, с утра гнали на работу. Складывали мы шпалы и рельсы, которые немцы привозили из Советского Союза после разборки железных дорог, из шпал были штабеля высотой в двухэтажный дом. Мы штабель сложим, а рядом другой штабелек, встанем на штабель и укладываем выше, вверх. Кормили в плену так: 750 грамм брюквенного супа и буханку хлеба на четверых каждый день, ничего больше, я там десять месяцев протрудился, во мне вес стал 42 килограмма, ноги опухли. Делились всем, чем могли и друг другу помогали. В самом начале пленения получилось так, что я шёл в строе рядом с американцем, и он мне сунул в руки трофейную консерву, на жестяной банке был припаян консервный нож. Он и сейчас всегда со мной на связке ключей, очень острый и режет металл лучше современных.

Застрелить немцам нас ничего не стоило, стреляли когда угодно, помню, поставили нас в строй и агитировали вступать в РОА, немец кричал: «Я буду через одного вас стрелять» и махал перед моим носом парабеллумом. Отправляли пленных в Нюрнберг

после бомбёжек собирать неразорвавшиеся бомбы, выносить из города. На одном квадратном метре лежало по пять зажигалок, мы их осторожно брали руками за нос и хвост и выносили. Рвануть могло в любой момент! Как-то раз нашли мы в развалинах дома в осколках разбитых пузырьков сахарную пудру. Мой товарищ спрятал целый пузырёк в карман, а я поднял и начал слизывать со стекла. Немец подошёл к товарищу и выстрелил в лицо, а меня ударил по подбородку, разбил губы и зубы, потом убитого военнопленного притащили в лагерь и положили в воспитательных целях на крышу барака возле ворот. Так он и лежал. Однажды случилось так, что меня спас от гибели немец. На каторге запрещалось выходить за ограждения, надсмотрщик подозвал меня и говорит: «Иди, принеси мне то бревно», а оно было за охраняемой территорией, и пистолет на меня направил. Я говорю: «Нет, нельзя!», он приказывал. Неожиданно подошёл другой немец, отозвал меня, а с тем начал спорить, так я остался в живых. Для них было развлечением убивать людей, но в тот раз Бог меня опять уберёт.

Охрана у нас была жёсткая. За всё время, кроме нас, бежал ещё один человек: мы сумели спрятать его в товарном вагоне, и он выехал за пределы лагеря, дальнейшую судьбу его я не знаю.

Как я бежал? Сам не знаю. Как-то раз услышал я ночью разговор троих военнопленных, Шустеровича, Гурского и Полякова, я понял, что они собираются бежать. Шустерович, капитан пограничных войск был в этой тройке самый старший, 41-го года пленения. С того момента я начал за ними следить, иногда мне удавалось слышать, что они обсуждают план побега, это было всегда глубокой ночью. При той системе охраны, что существовала в лагере, бежать было практически нереально, но один момент открыл нам эту возможность: иногда стоял на охране немец, страдавший нервными приступами, во время которых он обхватывал автомат, плакал и дрожал всем телом. Это был единственный шанс уйти. Я выследил ребят, когда они побежали, и рванул следом. Бежал я плохо, потому что ноги опухли, начал окликать товарищей, они заметили меня и решили, что за ними гонятся, что сейчас я их сдам. Шустерович отделился от компании и развернулся ко мне. Как потом выяснилось, он шёл меня убивать и в руках нёс нож. Каким-то образом я сумел убедить его взять меня с собой, помог один козырь: я нашёл листовку расположения сил противника и сил союзников, когда нас выводили в город, такие листовки сбрасывали американцы с самолётов. Выслушав, Шустерович вернулся к своим, они посоветовались и решили оставить меня в команде.

Передвигались преимущественно ночью, а днём отлёживались в маленьких лесопосадках, вся

жизнь шла, как в киноленте. Удивительно, что нас не догнали: пропажу должны были заметить сразу и послать за нами людей с собаками. Как я вообще выжил? Это действительно чудо! С моими больными ногами, с риском быть убитым если не охраной лагеря, так своими, тем не менее, я вырвался из плена, и я считаю, что день побега 8 апреля 1945 года – это мой второй день рождения, Божий дар новой жизни для меня и моих потомков.

Дошли мы до большой реки, которую надо было переходить как-то, товарищи пошли вплавь, а я увидел покореженный мост, после бомбёжки переломившийся напополам, вверху торчали вывороченные прутья арматуры. Дело в том, что я с трудом справил себе сапоги в плену, приделал голенища к немецким ботинкам, и поскольку ноги у меня очень болели и сапоги бы мои рассыпались бы в воде, я решил перебраться на другой берег по обрушенному мосту. На самой середине моста нога провалилась между прутьями, я начал её вытаскивать: сапог снимается, нога выходит, а с сапогом никак, хоть ты тресни! Сапога жалко. Я застрял! Пространство вокруг меня прошивают трассирующие пули, через мост ведут обстрел немцы и американцы (подошли мы к передовой), а я на самом высоком месте, на дуге моста и не могу освободить ногу, вспышки, грохот, я почти ощущал, как сейчас поймаю затылком пулю и для меня путь закончится, потом всё случилось мгновенно: я разжал прутья и сумел вытащить ногу из капкана. Когда стрелой перелетел через мост, с меня как сто пудов свалилось! Жив! ЖИВ! Ещё один подарок от Господа!

Дальше мы пришли к немецким окопам, начали осторожно пробираться вперед, к своим, через передовую. Опять же, пройти через спящих немцев по передовой – одного такого «приключения» достаточно, чтобы там и остаться навсегда. Бог хранил – это единственно возможное объяснение той невероятной удачи, что сопутствовала мне. В одном окопе спал немец, а сверху лежал ранец, по идее, там должна была быть провизия. Самый старший из нас, Шустерович Борис Ильич, вдруг резко развернулся и пошёл по направлению к ранцу, я ему «кричу» страшным шепотом: «Брось, брось!». Он не слушает, берёт аккуратно у спящего немца ранец и задом на цыпочках отходит и мне говорит: «Малой, ты не умеешь жить!». Когда разрезали ранец, оказалось, что у нас теперь есть кое-какая еда, после еды опухоль с моих ног спала, и я почувствовал себя совершенно другим человеком!

Дошли до какого-то села, Шустерович знал в совершенстве немецкий язык и объяснялся без акцента, поэтому мы спрятались, а Борис постучался в крайний дом. Немка ему ответила, приняв за своего: «Уходите назад (откуда пришли), тут американцы!». Мы решили соорудить белый флаг из

нательной рубашки, повесить на палку и медленно идти по дороге, так и сделали, нас встретили с автоматом, позвали переводчика, а потом, после выяснения обстоятельств, поселили в дом бургомистра. Готовили нам немки, рядом жили американцы, негры, общались все друг с другом. Через месяц объявили, что фашистская Германия капитулировала. Это был мой второй звоночек, все начали собираться домой. Мы отпраздновали Победу: я нашёл в подвале в соседнем селе бочку с вином, приделал к ней ушки, опоясал проволокой и катил по дороге из Корнбурга в Ворцельдорф, где я временно жил. Мимо идут жители деревни, говорят: «Оригинально!» А я им: «Фау Цвай!», показывая на бочку. Фау цвай – это бомба такая. По дорогам ехали итальянцы на повозках своим ходом в Италию.

Когда освободили лагерь, из пленных никого не осталось, я не знаю судьбы людей, как их лишили жизни, не было никого. После выезда из Германии нам предстоял карантин в приграничной зоне с Польшей, занимался этими делами НКВД, проверяли всех долго, многих отправляли в лагеря, теперь уже в СССР. Меня тоже тщательно проверяли, но я был 44-го года пленения и совершил побег, поэтому после карантина мне вернули звание и я отправился домой. С товарищами по побегу мы договаривались встретиться, но все пропали, никто на связь не вышел, я так думаю, что их посадили. А мне повезло, хотя везением это назвать сложно. Бог спас. После пленения я был зачислен в списки убитых и пропавших без вести. Матери с сестрой прислали похоронку, в книге памяти района я до сих пор в списках погибших».

Дедушка иногда приходит в районную библиотеку, находит нужный том Книги памяти, свою фамилию... Вернулся с «того» света!

ЖИЗНЬ

Алексей Фёдорович, вернувшись в Будённый (ныне Бирюч), в 1946 году женился на сироте, Зинаиде Ефимовне Бондаренко, с которой прожил душа в душу до 2010 года.

Бабушка была удивительным человеком, очень добрым, кротким, много пришлось испытать. Из семьи она зажиточной, их раскулачили. Была у них и мельница до революции, и большое хозяйство. Бабушкина мама, Евдокия, красавица, от которой Зине по наследству достались большие зелёные глаза и две огромные смоляные косы в руку толщиной, умерла при родах рано. В дом пришла мачеха, невзлюбившая бабушку, маленькая Зина качала детей ночами, управлялась по дому. Жалел бабушку только её дедушка Гриша, набожный человек, умерший в 33-м от голода в 96 лет, и до 96 лет каждое

воскресенье ходил он за семь километров от дома в церковь, учил молиться бабушку, тогда религию изживали, а иконы приходилось прятать. Перед смертью дедушка Гриша подарил бабушке большой крест с камнями. А как дедушки Гриши не стало, отец с большой семьёй засобирался на Кубань, бабушка не поехала, осталась одна в Будённом и пошла работать на завод; стояла по колено в воде, таскала мешки и бочки. Однажды при очередном переезде с квартиры на квартиру бабушка начала собирать свой нехитрый

скарб, а креста фамильного не оказалось! Вынесла хозяйка ей маленький нательный, бабушка говорит: «Это не мой!» Так и осталась без креста. В войну при оккупации её часто принимали за еврейку из-за чёрных кос, постоянно пряталась от глаз в огородах, чтоб не расстреляли. Чудом спаслась от надругания: успела убежать и спрятаться от немецкого офицера, гнали в плен окопы копать, опять спряталась в скирде по дороге, потом вернулась.

Именно бабушка привела меня к вере, каждый день до самой смерти молилась на старые иконы, долго. Думаю, её молитвами я и выстояла в свои сложные времена. Умерла при соборовании, тихо, Царствие Небесное!

Алексей Фёдорович вздыхает, смотрит на фотографию.

«Воспитали трёх детей и трех внуков. Сын Александр и дочь Галина окончили ЛИАП в Ленинграде, ныне Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, по распределению попали на завод в Эстонию, работали инженерами. Дочь Валентина выучилась на учителя русского языка и литературы, работала воспитателем в детском саду. Две дочки ушли из жизни на наших руках, безвременно. А сын живёт со мной, переехал, чтобы быть рядом».

Бабушка и дедушка – большие труженики. У дедушки целая мастерская: нет такого дела для муж-

ских рук, которое бы дедушка не смог сделать: и полочки выпиливал из дерева, и дом своими руками строил, и машины чинил, и часики. За ягодами, грибами, орехами всегда в леса ходил, рыбу ловил. В районе дедушку всегда уважали, и даже самые задиристые хулиганы из местных ребят после воспитательной беседы с ним, хоть и на время, но вели себя

хорошо. Бабушка вставала всегда затемно, пирожки пекла, садилась на стульчик отдохнуть только поздно вечером. И в 89 лет она давала мне фору по домашним делам, всегда желала «здоровья и благополучия» и была неиссякаемым источником народного фольклора. Старики мои всегда жили рядышком с природой, радуясь каждому дню, ни разу в жизни я не видела ни бабушку, ни дедушку в плохом настроении! Всегда добрая улыбка, и, самое главное, активное участие, заинтересованность в жизни других людей: дедушке всегда не всё равно. Он привык брать ответственность за каждого, помогать ближнему. Например, когда понадобилась новая котельная для квартала, только дедушка и помогавшая собирать подписи женщина занимались этим вопросом. В результате у людей в домах тепло и сухо. Ещё хочу сказать, что дедушка обладает замечательным качеством: он интуитивно чувствует источник жизненных сил, что предопределён свыше, природу. В 90-х годах диагностировали у него камни в почках, давали срок жизни небольшой. «С Божьей помощью», – сказал дедушка и начал искать травы. Нашёл рецепт и начал пить корешки подсолнечника. После траволечения пришёл в больницу, и врачи своим глазам не поверили: камни вышли песком! Ничего нет!

«Приключилась у меня болячка на ногах, чем только ни лечили, ничего не помогает. Тогда вспомнил я, что бабушка маленьким гоняла меня с рассветом походить босиком по росе. Ну не зря же гоняла! Стал ходить по росе – и всё прошло. Врачи потом за мной по пятам ходили, просили рецепт и не верили. Природа – лучшее лекарство, а ещё нужно дружить с холодной водой, я всегда дружил и до сих пор обливаюсь каждый день. Обычно купался до ноября: мост, под мостом паутина в инее и мужики на телеге

едут, пальцем показывают, у виска крутят, а я плыву! Так и радикулит вылечил, скрутило меня сильно, я завел мотоцикл – и на лиман. Вода холодная, осень, доверился Богу и природе, думаю: ну, или там останусь, или пройдёт. Как опустился в ледяную воду – как рукой сняло», – делится дедушка.

Сейчас, конечно же, совсем иное время, возраст, пережитое. Простреленные ноги отказываются бегать, руки – выполнять ювелирную работу по ремонту часов, но я никогда не слышала, чтобы дедушка жаловался, хотя и сложно, например, подняться на второй этаж, дойти до магазина. За руль уже не садится, но раритетный «конь» в гараже в полной боевой готовности, улы, бережно сохранённые, стоят в омшанике, а инструменты в мастерской аккуратно разложены по полочкам. Смотрю на дедушку – и радостно мне, что он есть в моей, в нашей жизни. Несмотря на такие испытания и последний удар от судьбы под дых в 83 года, смерть двух дочерей с разницей в 9 месяцев, дедушка в 94 остаётся идеалом жизнелюбия, рассудительности, мужества, доброты и примером чудес Господа. Сейчас он живёт вдвоём с сыном, своей опорой и помощником, они очень похожи: дядя Саша, как и дедушка, является для меня примером стойкости, мудрости и силы.

Я очень хочу, чтобы нас, наших детей и внуков не обошла милость Бога, тогда мы выдержим любые испытания. А для этого главное оставаться Человеком, делать добро и верить в помощь свыше. Люди, причин для безверия, уныния и морального упадка просто нет: посмотрите на 94-летний мой любимый «наглядный пример»! Мы обязательно с Божьей помощью со всем справимся!

«И в шахматы приходите играть», – воодушевленно добавляет дедушка.